

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5158513>

УДК 39 (470.6)

Тхамокова И. Х.

Тхамокова Ирина Хасановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований — филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), Российская Федерация, 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18, E-mail: omarakana@mail.ru.

Поселения и жилища шапсугов и натухайцев в контексте материальной культуры народов Кавказа (первая половина XIX в.)

Аннотация. Основная цель статьи заключается в выявлении общих черт и особенностей поселений и жилищ шапсугов и натухайцев в сравнении с другими народами Кавказа. Шапсуги и натухайцы – две группы адыгов, которые в первой половине XIX в. занимали значительную часть Северо-Западного Кавказа. Проведенное исследование показало, что жилища и хозяйственные постройки шапсугов, натухайцев и других адыгов имели много общего в планировке, в использовании строительных материалов, в обстановке. Особенности заключались в сохранении у шапсугов и натухайцев срубного жилища и особой формы зернохранилищ на столбах. Еще одна особенность – преобладание у шапсугов и натухайцев (и абадзехов) свободной разбросанной планировки поселений вместо более плотной застройки аулов у других групп адыгов. Выявлено также сходство поселений и жилищ шапсугов и натухайцев с убыхами и абхазами.

Ключевые слова: Кавказ, адыги, шапсуги, натухайцы, поселения, жилище, хозяйственные постройки.

Tkhamokova I.H.

Tkhamokova Irina Hasanovna, candidate of history, senior researcher, the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment “Federal Scientific Center “Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (IHR KBSC RAS), 18 Pushkin Street, Nalchik 360000, Russian Federation, E-mail: omarakana@mail.ru.

Settlements and Dwellings of Shapsugs and Natukhays in the Context of the Material Culture of the Peoples of the Caucasus (First Half of the 19th Century)

Abstract. The basic purpose of article consists in revealing of the general features and particularities of settlements and dwellings of Shapsugs and Natuhais in comparison with other peoples of Caucasus. The Shapsugs and Natuhais are two groups of Adygs that occupied a significant part of the North-Western Caucasus in the first half of the 19th century. The carried out research has shown that dwellings and farm buildings of Shapsugs, Natuhais and other Adygs had much in common in the planning, in the use of building materials, in the furnishings. The peculiarities consisted in the fact that Shapsugs and Natukhai had a log house and a special form of granaries on poles. Another peculiarity is the predominance of a free scattered layout of settlements instead of denser auls among other Adyg groups. The similarity of settlements and dwellings of Shapsugs and Natukhans with Ubykhs and Abkhazes was also revealed.

Key words: Caucasus, Adygs, Shapsugs, Natukhai, settlements, dwellings, farm buildings.

Материальная культура народов Северного Кавказа, в том числе поселения и жилище, неоднократно становилась предметом научных исследований. Более 100 лет назад А.А. Миллер опубликовал статью о черкесских постройках, в которой очень подробно их описал [24]. Он также объяснил причины преобладания турлучных домов в равнинных районах Северного Кавказа, сравнил адыгские (черкесские) поселения и усадьбы с абхазскими, выявил некоторые особенности жилища шапсугов черноморского побережья. Работу над этой темой продолжили этнографы советского периода. Им удалось найти новые материалы и сделать интересные выводы. Так, Л.И. Лавров обнаружил в горных аулах причерноморских шапсугов срубные дома [16, с.27-28], о чем не было известно А.А. Миллеру. Другие ученые исследовали обычаи и обряды, связанные с жилищем, картографировали распространение форм жилых и хозяйственных построек народов Северного Кавказа, уделяли внимание также и истории развития жилища [12, 13, 21, 22, 23]. Эти работы сохраняют свою значимость и в настоящее время. В последние годы внимание ученых привлекали такие вопросы как адаптация жилищно-поселенческого комплекса к природной среде и к сложным условиям пограничья [36]. Однако некоторые вопросы, связанные с локальными особенностями культуры и с межнациональными контактами, все еще требуют дальнейшего изучения. В данной статье они рассматриваются на примере шапсугов и натухайцев – двух групп адыгов, которые в первой половине XIX в. занимали значительную часть Северо-Западного Кавказа. Они расселялись по черноморскому побережью от низовьев Кубани до реки Шахе, а вдоль левого берега Кубани – от моря до реки Супс. Границей между натухайцами и шапсугами была река Адагум. В состав их территории входили и равнины, и предгорья, и горы, и берег моря. Задачи исследования заключаются в

выявлении общих черт и особенностей поселений и жилищ шапсугов и натухайцев по сравнению с материальной культурой других народов и групп Кавказа.

Поселения шапсугов и натухайцев располагались, как правило, поблизости от рек и лесов, что было очень важно для безопасности жителей во время войны. Аулы в горах и на побережье обычно были небольшими. Примером могут служить аулы шапсугов черноморского побережья. В 1840 г. в районе укрепления Лазаревское на реке Псезуапсе находилось 13 аулов. Из них «11-ть имели домов по 6, а два – домов до 25». В долине реки Туапсе были расположены «три аула, состоящие из 4-х и 5-ти деревянных сакель каждый». Как далее сказано в источнике, «на сей части Восточного берега аулы состоят из двух, трех и до пяти саклей, в ущельях самых лесистых и непроходимых» [28]. Также и в ущелье реки Малая Наужи, были «повсюду разбросаны дома отдельными дворами и множество сакель гнездятся высоко в горах под самыми утесами» [29]. Такое же расселение отдельными усадьбами было характерно и для убыхов – соседей шапсугов [18, с.47-48].

В небольших поселениях, состоявших из нескольких дворов, жили обычно родственники. Так, Дж. Белл, один из англичан, побывавших на Кавказе, останавливался у реки Псезуапсе в ауле двух братьев, а на реке Пшад – в ауле, в котором жили четыре семьи родственников [39-1, р.438; 39-2, р.109]. Другой англичанин, Дж.А. Лонгворт, тоже описал небольшой аул, состоявший примерно из дюжины домов, которые принадлежали одной семье, точнее, различным ветвям этой семьи, и прибавил, что он никогда не видел в западных провинциях Черкесии, чтобы разные семьи селились в одном месте [40-1, р.88]. Западные провинции Черкесии – это как раз территория шапсугов и натухайцев. Из всех этих сообщений можно сделать вывод, что каждый такой «аул» занимала либо большая семья либо группа род-

ственных семей. Это относилось не только к шапсугам и натухайцам, но и к другим адыгам, например, к абадзехам, которые тоже жили в горах [6]. Подобные поселения родственников (моногенные) встречались и у многих других народов Северного Кавказа – у карачаевцев, балкарцев, осетин, чеченцев, ингушей, хотя, видимо, не так часто, как у шапсугов и натухайцев [12, с. 26,33,50].

Крупные аулы были расположены в равнинной части территории шапсугов и натухайцев, недалеко от Кубани. Крупные поселения были необходимы там «для безопасности от набегов» [34, с. 150], т.е. для обороны от нападений врагов.

Только в двух равнинных аулах – Нуазетук и Адагум – насчитывалось более 500 дворов, причем аул Адагум тянулся почти на три с половиной версты вдоль реки [30, с. 304-305]. Между реками Афипс и Шебш находился шапсугский аул из 1000 домов [3, с. 327]. Но и на Черноморском побережье Кавказа тоже иногда встречались большие аулы. Например, у Джубги располагался аул из 500 дворов [27], а на равнине недалеко от Анапы – несколько больших натухайских аулов [33, с. 50].

Однако, как писали некоторые наблюдатели, крупные аулы на Северо-Западном Кавказе часто состояли из отдельных небольших хуторов [25]. Например, в одном из документов сказано, что шапсугский аул на реке Убин насчитывал более 800 дворов и тянулся на 8 верст [1, т. 12, с. 852]. Другой же источник сообщает, что в 1830 г. на реке Убин на протяжении 9 верст было расположено 50 аулов [26]. То есть отличить один большой аул от совокупности маленьких не всегда было легко. На территории натухайцев тоже трудно было понять, где заканчивался один аул и начинался другой [15]. Подобные разбросанные на большой площади селения были характерны и для абадзехов, которые также жили в горах, а также для абхазов [24, с. 60; 8, с. 296-297]. У большинства адыгов, занимавших равнинные территории (темиргойцев, бжедугов, кабардинцев),

преобладала более плотная застройка аулов [12, с. 40].

Наблюдатели восхищались живописностью шапсугских и натухайских поселений, составлявших единое целое с окружающим ландшафтом, располагавшихся на фоне гор, лесов, полей, садов. Иногда аул строился посреди рощи, как один из натухайских аулов на черноморском побережье, на реке Пшад [31, с. 400]. Часто дома, особенно в горах и на черноморском побережье, были окружены садами: «Иногда попадаются в зелени садов сабли горцев, обмазанные глиной, выбеленные, напоминающие вам Малороссию» [20, с. 654]. Множество садов – это тоже особенность шапсугских и натухайских поселений.

В их дворах также росли деревья. У шапсугов и натухайцев черноморского побережья они часто были увиты виноградными лозами [16, с. 22] (другие группы адыгов виноград не выращивали). Это придавало своеобразие аулам и дворам жителей побережья и сближало их с убыхскими и абхазскими селами. Высоко в горах, в урочище Гастагакей, перед одним богатым домом была высажена аллея фруктовых деревьев: «прекрасные яблони, грушевые деревья и черешни составляют эту аллею; по дороге непрерывный ряд орешников, которые, по словам проводников, дают чрезвычайно крупные орехи» [35, с. 56].

Правильной планировки поселения шапсугов и натухайцев не имели, усадьбы располагались совершенно произвольно. Двор был огорожен, чаще всего – плетнем, как и у других адыгов, ворота тоже обычно были сделаны из плетня. Только в горах и на черноморском побережье ограду делали из частокола, жердей или даже из камня, а ворота были заменены горизонтальными жердями [16, с. 20-21; 24, с. 66].

Во дворе с одной стороны полукругом располагались жилые постройки, с другой стороны – хозяйственные [2, с. 33]. Главной из жилых построек был дом хозяина усадьбы, в котором он жил с женой и

малолетними детьми. Он назывался большим домом. Но сам глава семьи, в силу обычаев избегания, мог появляться там только ночью. Фактически этот дом был женской частью жилища. Если в кунацкой собирались мужчины, то в «большом доме» – женщины [15]. Этот дом всегда стоял в центре двора, никогда не примыкал к ограде. Это планировка была типична для всех адыгских аулов, а также и для Абхазии [24, с. 61].

Для женатых сыновей в том же дворе строили отдельный домик, иногда его пристраивали к большому дому. У взрослой незамужней дочери тоже был свой домик [2, с. 34]. Еще в 1930 г. каждая девушка в шапсугских аулах черноморского побережья имела свою комнату, где вечерами собиралась молодежь [38, с. 23]. Если специальные комнаты или дома для семьи сына строили все адыги, то отдельное помещение для дочери – это особенность именно шапсугского, а возможно, и натухайского жилища. Среди построек во дворе могла находиться отдельная кухня или специальная круглая печь для выпечки хлеба [24, с. 67, 73].

В первой половине XIX в. у шапсугов и натухайцев встречались как однокамерные, так и двух- и трехкамерные постройки [41, р. 43, 313; 31, с. 404]. В таком случае к «большому дому» пристраивали кунацкую или помещение для женатого сына, жилище состояло из двух или трех отдельных, изолированных комнат.

Например, в шапсугском ауле Чемиж-Ваш, недалеко от черноморского побережья, «почти все сакли имели следующее устройство. Дом имел две, а иногда и три комнаты, построенные рядом под одной крышей. Каждая комната имела особый вход снаружи, общего внутреннего сообщения между комнатами не было» [29]. Такая планировка была типична и для других групп адыгов.

Жилые постройки у шапсугов и натухайцев имели всегда прямоугольную форму. В связи с этим можно вспомнить, что у абхазов в XIX в. имели распростра-

нение круглые плетеные постройки [8, с. 303]. Как полагал Л.И.Лавров, подобные постройки встречались когда-то у адыгов [17, с. 43]. Е.М.Шиллинг нашел несколько круглых построек, преимущественно хозяйственных, у адыгов [37, с. 133]. Однако жилые постройки у всех адыгов, в том числе и у шапсугов и натухайцев, были всегда прямоугольными.

Все постройки, как правило, были турлучными, т.е. стены их были сделаны из плетня, обмазанного глиной. Есть свидетельства того, что жившие в горах шапсуги (хакучи) строили жилища из плетня, не обмазанного глиной [4, с. 81], но возможно, это было временным явлением, результатом послевоенной разрухи. Турлучные жилища строили убыхи и абхазы [8, с. 301; 18, с. 48], а также многие жители равнинных районов Северного Кавказа – адыги, осетины, чеченцы [12, с. 87]. Такие дома легко было разобрать, перевезти в другое место, что было важно для жителей плоскости, легко доступной для нападения врага [24, с. 62]. Но наряду с этим на особенности жилища оказывали влияние и природные условия [36, с. 127-128]. В первой половине XIX в. на закубанских равнинах было еще много лесов, но больших деревьев, пригодных для возведения срубного жилища, оставалось уже мало. Даже в горах их было не очень много. Например, между реками Псеуапсе и Туапсе значительная часть лесов уже была вырублена и расчищена под посевы. Только на главном хребте сохранялись еще нетронутые лесные массивы [35, с. 127]. Но все же, выстроенные из дерева дома, видимо, чаще встречались в горах, чем на равнинах, где они были редкостью [1, т. 10, с. 635; 7, с. 266; 35, с. 136]. Во всяком случае, срубные жилища сохранялись у шапсугов, живших в горах, в аулах Большое и Малое Псеушо, еще в XX в. [16, с. 27-28].

О технике строительства судить можно не всегда, так как некоторые источники сообщают о срубах, другие же – просто о деревянных домах. В зажиточном ауле Чемиж-Ваш «встречались очень хо-

рошие и прочно построенные дома из отличного орехового или каштанового дерева»[29]. Из дерева, в том числе и каштанового, строили дома также убыхи и абхазы [8, с.302; 35, с. 131]. И у других горцев Северного Кавказа бытовали срубные жилые постройки – у карачаевцев, балкарцев, местами у осетин и ингушей [12, с. 83-84]. Но из адыгов только шапсуги, натухайцы, а также абадзехи [10, 11], которые тоже жили в горах, сохраняли в XIX в. срубные постройки, хотя ранее они, возможно, имели более широкое распространение.

На равнинах крышу покрывали чаще всего камышом или соломой, иногда – тесом или дранью, а в горах и на черноморском побережье – также листьями папоротника или стеблями кукурузы [2, с. 33; 4, с. 81; 5, с. 173; 16, с. 21; 25; 31, с. 391, 396]. Камыш и солома использовались с этой целью многими народами, в том числе и адыгами. Тес или дрань – тоже распространенный кровельный материал, но адыги применяли его редко, как и папоротник и стебли кукурузы. Это особенность строительной технологии именно шапсугов и натухайцев, и преимущественно в районе черноморского побережья. Папоротником (как и тесом и дранью) покрывали крыши также и их южные соседи – абхазы и убыхи [8, с. 304; 18, с.48-49; 35, с. 136]. Как и у других адыгов, у шапсугов и натухайцев вдоль одной или нескольких стен дома крыша образовывала навес, опирающийся на столбы и заменявший веранду.

Фундамента в доме обычно не было, но в горах на реке Аше в 1930 гг. шапсуги строили дома на деревянных сваях или каменных опорах. Возможно, что такие дома возводились и за 100 лет до того. Встречались даже двухэтажные дома, где первый этаж обычно служил сараем или помещением для скота [16, с. 21].

Потолка в доме тоже не было, пол был земляной или глиняный. В доме было, и то не всегда, только одно маленькое окошко, закрывавшееся деревянной ставней. Толстые массивные двери были сделаны обычно из дуба [2, с. 33]. У одной из стен или в углу находился очаг. Над оча-

гом поднималась труба, внизу она была очень широкой, круглой диаметром до полутора метров, но иногда у жителей гор – четырехугольной, кверху сужалась и выходила через крышу. Труба тоже делалась из плетня, обмазанного глиной [4, с. 81; 40-1, р. 43]. Поперек трубы устанавливалась перекладина, к которой прикрепляли надочажную цепь. Расположение очага у стены было особенностью адыгского жилища, у многих других народов Кавказа он находился в центре комнаты [12, с. 128]. Очаг был во всех жилых помещениях, он служил для отопления. Пищу готовили только в «большом доме» или в отдельной кухне. Очаг, надочажная цепь у шапсугов и натухайцев, как и других народов Кавказа, считались священными предметами [22]. В кунацкой рядом с очагом находилось почетное место [4, с. 81; 40-1, с. 96].

Стены дома изнутри, как и снаружи, были обмазаны глиной. В ауле Чемиж-Ваш стены комнат были «чрезвычайно ровные и мастерски выглаженные; очаг, труба и каменные низенькие койки были раскрашены разноцветной глиной, которой в тех местах есть несколько различных пород» [29]. Но это была, видимо, локальная особенность. Относительно других аулов нет упоминаний об использовании цветной глины в интерьере, обычно пишут о светлой глине, покрывавшей стены [40-1, р. 43].

Обстановка дома была очень простой. В «большом доме» стояла деревянная кровать или диван (часто их заменяли возвышения из камня или глины), сундуки, в которых хранили одежду и другие вещи. В этой же комнате находилась и посуда. Маленькие столики обычно висели на стенах. Днем на сундуки складывали постели, а кровать застилали циновкой. На стенах тоже висели циновки, оружие, а на прикрепленных к крыше длинных шестах – одеяла [9, с. 205]. Циновки изготавливали шапсуги и натухайцы, жившие недалеко от Кубани, на берегах которой росло много рогоза, служившего основным материалом для плетения. Жители гор и побережья чаще покупали циновки.

Дома всех шапсугов и натухайцев, независимо от социального положения и состоятельности, строились из одних и тех же материалов и имели одинаковую планировку. Например, один из самых знатных и богатых натухайцев жил в турлучном доме, состоявшем из одной комнаты и покрытом соломой. В подобных же постройках жили члены его семьи и рабы [41, р. 313]. Большие дома, появившиеся под турецким влиянием, были редкостью [39-1, р.96]. Различие между жилищами состоятельного и бедного шапсуга или натухайца проявлялось, главным образом, в обстановке, в домашней утвари. Так, в богатом доме было много постельных принадлежностей, их шили часто из привозных тканей, была иногда дорогая покупная посуда, изредка встречались турецкие ковры [39-1, р. 35, 81], а у самых бедных не было даже циновки.

Кунацкая стояла обычно за пределами двора, но иногда и во дворе и даже под одной крышей с главным домом. Если кунацкая находилась в отдельном дворе, то к ней пристраивали конюшню, а также делали коновязь. В кунацкой принимали гостей, здесь же проводил целые дни хозяин дома. Кунацкая была если не у всех, то у большинства шапсугов и натухайцев. Английские путешественники Дж. Белл и Дж.А. Лонгворт неоднократно останавливались в кунацких, принадлежавших простым крестьянам, и оставались довольны оказанным им приемом [39-1, р. 95; 39-2, р. 109]. Как писали Дж.А.Лонгворт и Т.Лапинский, в Черкесии даже при самом бедном жилище была кунацкая [2, с. 34; 40-1, р.48]. Кунацкая – это характерная особенность адыгской усадьбы и адыгской культуры. По свидетельству Хан-Гирея, «не говоря уже о высшем классе, который, не заботясь о собственном покое, строит приют для гостей, но и в простом классе народа поставляют себе первым долгом иметь особенный дом для гостей...» [34, с. 300]. Кроме адыгов отдельную кунацкую строили абхазы [8, с.312] и некоторые другие народы Кавказа. У состоятельных и

знатных людей, во дворе часто строилась еще одна кунацкая, где принимали родственников.

В кунацкой проводил большую часть времени хозяин дома, т.е. она выполняла функции мужской части жилища. Еще М.О. Косвен предполагал, «что в своей архаической форме так называемая «кунацкая» представляла собой то, что хорошо известно этнографии под названием «мужского дома» или «клуба молодежи» или «клуба холостяков» [14, с. 128].

В кунацкой рядом с очагом стояла кушетка или диван для почетного гостя, иногда – просто возвышение из глины. На диване лежали подушки, циновка, на стенах иногда тоже висели циновки. В стены были вбиты деревянные колышки, на которые вешали оружие гостей [39-1, р.27; 40-1, р.42]. Когда приезжали гости, то для них приносили в кунацкую постели, маленькие круглые столики на трех ножках. Сидели самые почетные гости на кушетке, для других на полу раскладывали циновки и подушки, молодежь иногда сидела на длинной скамейке, стоявшей у двери [39-1, р. 35]. У богатых шапсугов и натухайцев в кунацких были обитые шелком диваны и шелковые подушки и одеяла [39-1, р. 98].

Хозяйственные постройки (сарай, коровники, конюшни) делались из плетня, обмазанного или не обмазанного глиной. Из всех этих построек особое внимание обращают на себя приспособления для хранения зерна, особенно кукурузы. О них упоминают источники первой половины XIX в. [32; 41, р. 538], сохраняются они и в современных аулах шапсугов причерноморья. Они стояли на деревянных столбах (сваях) высотой 1-1,5 м и даже выше. Сверху на каждый столб укладывались плоские камни, чтобы защитить зерно от грызунов. Эти хранилища имели прямоугольную, но иногда – круглую форму [4, с. 81], стены их были сделаны из плетня или из древесины. Их чаще строили жители черноморского побережья, которые в больших количествах возделывали кукурузу [24, с. 74]. Кроме шапсугов и натухай-

цев подобные зернохранилища были и у некоторых других народов Западного Кавказа, например, у абхазов [8, с. 314].

У остальных адыгов существовали плетеные сапетки для хранения зерна, круглой или прямоугольной формы, которые стояли прямо на земле или на невысоких подставках. Возможно, что влажный климат черноморского побережья с сильными дождями послужил причиной создания таких зернохранилищ. Но существовали у шапсугов и натухайцев и совершенно иные зернохранилища – в виде ям, в которые закапывали зерно [29; 32].

Проведенное исследование не выявило каких бы то ни было различий между поселениями и жилищами шапсугов и натухайцев. Во всяком случае, ни один источник, ни один ученый о них не сообщает.

Поселения и жилища шапсугов и натухайцев, с одной стороны, и других групп адыгов, с другой, имели много общего: планировка усадьбы и жилища, строительные материалы (плетень, обмазанный глиной), обстановка дома (сундуки, маленькие столики, циновки), – все это было одинаковым или очень похожим у всех адыгов. Причины такого сходства очевидны – и общее происхождение, и сходные природные условия, и постоянные контакты.

Но поселения и жилища шапсугов и натухайцев имели и свои особенности. У других групп адыгов (кроме шапсугов,

натухайцев и абадзехов) преобладала более плотная застройка аулов. Точно так же, кроме этих трех групп, ни у кого из адыгов не сохранялись в первой половине XIX в. срубные жилища, никто не строил зернохранилища на столбах. Если кунацкую или дом (комнату) для семьи сына строили все адыги, то домик или комнату для дочери – только шапсуги и натухайцы. Причины этих различий заключаются отчасти в особенностях природных условий, а отчасти – в сохранении у этих групп старых традиций.

Указанные отличительные особенности наиболее были выражены в горной части территории шапсугов и натухайцев и на черноморском побережье. Именно там чаще строились срубные дома и зернохранилища на столбах, там в качестве кровельных материалов чаще использовался тес, листья папоротника или стебли кукурузы.

И именно эти признаки, которые отличали горных и приморских шапсугов и натухайцев от других адыгов, сближали их с их южными соседями – убыхами и абхазами. У этих двух народов тоже имела распространение свободная разбросанная планировка поселений, срубные жилища, тес или листья папоротника в качестве кровельного материала, зернохранилища на столбах. Причины такого сходства – и близость природных условий, и тесные этнокультурные контакты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею: в 12 тт. Тифлис: Тип. Главного управления наместника Кавказского, 1866-1904.
2. Библиография и критика (Лапинский Т. Кавказские горцы) // Записки Русского географического общества. 1863. №1. С. 1-50.
3. Богуславский Л. А. Апшеронская памятка. 1700-1894: Краткая история Апшеронского полка для солдат СПб.: тип. А. Бенке, 1894. 540 с.
4. Верещагин А.В. Путевые заметки по Черноморскому округу. М.:тип. Н.Н.Мамонтова, 1874. 204с
5. Духовский С. Даховский отряд на Южном склоне гор в 1864 году // Военный сборник. 1864. № 11. С. 145-196; № 12. – С. 277-357.
6. Дьячков-Тарасов А.И. Абадзехи // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. XXII. В. 4. Тифлис, 1902. С. 1-50.
7. Дьячков-Тарасов Н. Черноморская кордонная, Черноморская береговая линии и Правый Фланг Кавказа перед Восточною войною – в 1853 году // Кубанский сборник. Т.10. 1905. С. 243-330.

8. Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми: Абгосиздат, 1965. 447 с.
9. Кавказский офицер. Плен у шапсугов // Военный сборник. 1864. №11. С. 197-218.
10. Каменев Н. Бассейн Псекупса // Кубанские войсковые ведомости. 1867. №5.
11. Каменев Н. Несколько слов о колонизации Западного Кавказа вообще и Псекупского полка в особенности // Кубанские областные ведомости. 1867. №39.
12. Кобычев В.П. Поселения и жилище народов Северного Кавказ в XIX-XXвв. Москва: Наука, 1982. 195 с.
13. Коджесау Э.Л. Поселения, жилища, домашняя утварь и хозяйственные постройки у адыгейцев // Ученые записки адыгейского НИИ. Т. 13. Майкоп, 1971. С. 247-283.
14. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. 260 с.
15. Крым-Гирей. Путевые заметки // Кубанские войсковые ведомости. 1866. №21.
16. Лавров Л.И. В Черноморской Шапсугии // Лавров Л.И. Этнография Кавказа (По полевым материалам 1924-1978 гг.). Л.: Наука, 1982. С. 19-31.
17. Лавров Л.И. Развитие земледелия на северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. // Материалы по истории земледелия СССР. Сб. 1. М., 1952.
18. Лавров Л. И. Убыхи. Историко-этнографическая монография. СПб.: Наука, 2009. 237 с.
19. Лавров Л.И. Формы жилища у народов северо-западного Кавказа до середины XVIII в // Советская этнография. 1951. №4. С. 42-56.
20. Лорер Н.И. Из записок Николая Ивановича Лорера. (Служба на Кавказе) // Русский архив. 1874. №9. С. 639-708.
21. Меретуков М.А. Брачное помещение у адыгов // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С. 52-83.
22. Меретуков М.А. Культ очага у адыгов // УЗ АНИИ. Т. 8. Майкоп, 1968. С. 305-315.
23. Меретуков М.А. Поселения у адыгов // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С.37-51;
24. Миллер А.А. Черкесские постройки // Материалы по этнографии России. Т.2. СПб., 1914. С.57-78
25. Невский П. Закубанский край в 1864 году (Путевые воспоминания) // Кавказ. 1868. № 97-101. № 97
26. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 6239. Ч. 3. Л. 15, 20.
27. РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 6247. Л. 4.
28. РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 6413. Л. 87 об., 120 об.
29. Ржондковский А. Экспедиция в Хакучи, 1865 года. «Кавказ», № 89-99. 1867 г. № 92. С. 447.
30. Рукевич М. Адагумский отряд // Кавказский сборник. 1896. Т. 17. С.256-322.
31. Симановский Н.В. Дневник поручика Н.В. Симановского 2 апреля – 3 октября 1837 г. , Кавказ // Гордин. Кавказ. С.381-428.
32. С-ов. Набег (эпизод из походной жизни) // Кавказ. 1861. №96. С. 523.
33. Федоров М.В. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 г. // Кавказский сборник. 1879. Т. 3. С. 1-250.
34. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. 334 с.
35. Хатисов И.С., Ротиньянц А.Д. Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря, между реками Туапсе и Бзыбью // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. 1867. № 5-6. 214 с.
36. Хотко С.Х. Жилищно-поселенческий комплекс Северо-Западного Кавказа: адаптивность к природно-географическим условиям и степному фронтиру // Вестник науки АРИГИ. 2018. № 15 (39). С. 125-139.
37. Шиллинг Е.М. Круглые плетеные постройки у народов Западного Кавказа // Известия Абхазского института языка, литературы, истории. 1947. №3. С. 133-135.
38. Шмушкис И. О черкесской свадьбе // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. М.: изд. МГУ, 1940. С. 23-26.
39. Bell, J. S. Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838, and 1839. In 2 vol. London: Moxon, 1840.
40. Longworth J.A. A year among the Circassians. In 2 vol. London: Colburn, 1840.

41. Taibout de Marigny. Voyage dans le pays des Tcherkess // Voyage dans les stepps d'Astrakhan et du Caucase. Par le compte Jean Potocki, Paris, 1829. V. 1. P. 249-361.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Akty, sobrannye Kavkazskoju arheograficheskoju komissieju: v 12 tt. Tiflis: Tip. Glavnogo upravlenija namestnika Kavkazskogo, 1866-1904.
2. Bibliografija i kritika (Lapinskij T. Kavkazskie gorcy) // Zapiski Russkogo geograficheskogo obshhestva. 1863. №1. S. 1-50.
3. Boguslavskij L. A. Apsheronskaja pamjatka. 1700-1894: Kratkaja istorija Apsheronского polka dlja soldat SPb.: tip. A. Benke, 1894. 540 s.
4. Vereshhagin A.V. Putevye zametki po Chernomorskому okrugу. M.:tip. N.N.Mamontova,1874.204s
5. Duhovskij S. Dahovskij otrjad na Juzhnom sklone gor v 1864 godu // Voennyj sbornik. 1864. № 11. S. 145-196; № 12. – S. 277-357.
6. D'jachkov-Tarasov A.I. Abadzehi // Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva. Kn. XXII. V. 4. Tiflis, 1902. S. 1-50.
7. D'jachkov-Tarasov N. Chernomorskaja kordonnaja, Chernomorskaja beregovaja linii i Pravyj Flang Kavkaza pered Vostochnoju vojnoju – v 1853 godu // Kubanskij sbornik. T.10. 1905. S. 243-330.
8. Inal-Ipa Sh.D. Abhazy. Istoriko-jetnograficheskie ocherki. Suhumi: Abgosizdat, 1965. 447 s.
9. Kavkazskij oficer. Plen u shapsugov // Voennyj sbornik. 1864. №11. S. 197-218.
10. Kamenev N. Bassejn Psekupsa // Kubanskije vojskovye vedomosti. 1867. №5.
11. Kamenev N. Neskol'ko slov o kolonizacii Zapadnogo Kavkaza voobshhe i Psekupskogo polka v osobennosti // Kubanskije oblastnye vedomosti. 1867. №39.
12. Kobychев V.P. Poselenija i zhilishhe narodov Severnogo Kavkaz v XIX-XXvv.Moskva:Nauka,1982.195 s.
13. Kodzhesau Je.L. Poselenija, zhilishha, domashnjaja utvar' i hozjajstvennye postrojki u adygejcev // Uchenye zapiski adygejskogo NII. T. 13. Majkop, 1971. S. 247-283.
14. Kosven M.O. Jetnografija i istorija Kavkaza. M., 1961. 260 s.
15. Krym-Girej. Putevye zametki // Kubanskije vojskovye vedomosti. 1866. №21.
16. Lavrov L.I. V Chernomorskoj Shapsugii // Lavrov L.I. Jetnografija Kavkaza (Po polevym materialam 1924-1978 gg.). L.: Nauka, 1982. S. 19-31.
17. Lavrov L.I. Razvitie zemledelija na severo-zapadnom Kavkaze s drevnejshih vremen do serediny XVIII v. // Materialy po istorii zemledelija SSSR. Sb. 1. M., 1952.
18. Lavrov L. I. Ubyhi. Istoriko-jetnograficheskaja monografija. SPb.: Nauka, 2009. 237 s.
19. Lavrov L.I. Formy zhilishha u narodov severo-zapadnogo Kavkaza do serediny XVIII v // Sovetskaja jetnografija. 1951. №4. S. 42-56.
20. Lorер N.I. Iz zapisok Nikolaja Ivanovichа Lorera. (Sluzhba na Kavkaze) // Russkij arhiv. 1874. №9. S. 639-708.
21. Meretukov M.A. Brachnoe pomeshhenie u adygov // Sbornik statej po jetnografii Adygei. Majkop, 1975. S. 52-83.
22. Meretukov M.A. Kul't ochaga u adygov // UZ ANII. T. 8. Majkop, 1968. S. 305-315.
23. Meretukov M.A. Poselenija u adygov //Sbornik statej po jetnografii Adygei. Majkop, 1975.S.37-51;
24. Miller A.A. Cherkesskie postrojki // Materialy po jetnografii Rossii. T.2.SPb.,1914.S.57-78
25. Nevskij P. Zakubanskij kraj v 1864 godu(Putevye vospominanija)//Kavkaz.1868.№ 97-101.№ 97
26. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA). F. 846 (VUA). Op. 16. D. 6239. Ch. 3. L. 15, 20.
27. RGVIA. F. 846 (VUA). Op. 16. D. 6247. L. 4.
28. RGVIA. F. 846 (VUA). Op. 16. D.6413. L. 87 ob., 120 ob.
29. Rzhondkovskij A. Jekspedycja v Hakuchi, 1865 goda. «Kavkaz», № 89-99. 1867 g. № 92. S. 447.
30. Rukevich M. Adagumskij otrjad // Kavkazskij sbornik. 1896. T. 17. S.256-322.
31. Simanovskij N.V. Dnevnik poruchika N.V. Simanovskogo 2 aprelja – 3 oktjabrja 1837 g. , Kavkaz // Gordin. Kavkaz. S.381-428.
32. S-ov. Nabeg (jepizod iz pohodnoj zhizni) // Kavkaz. 1861. №96. S. 523.

33. Fedorov M.V. Pohodnye zapiski na Kavkaze s 1835 po 1842 g. // Kavkazskij sbornik. 1879. T. 3. S. 1-250.
34. Han-Girej. Zapiski o Cherkessii. Nal'chik: Jel'brus, 1978. 334 s.
35. Hatisov I.S., Rotin'janc A.D. Otchet komissii po issledovaniju zemel' na severovo-stochnom beregu Chernogo morja, mezhdru rekami Tuapse i Bzyb'ju // Zapiski Kavkazskogo obshhestva sel'skogo hozjajstva. 1867. № 5-6. 214 s.
36. Hotko S.H. Zhilishhno-poselencheskij kompleks Severo-Zapadnogo Kavkaza: adaptivnost' k prirodno-geograficheskim uslovijam i stepnomu frontiru // Vestnik nauki ARIGI. 2018. № 15 (39). S. 125-139.
37. Shilling E.M. Kruglye pletenye postrojki u narodov Zapadnogo Kavkaza // Izvestija Abhazskogo instituta jazyka, literatury, istorii. 1947. №3. S. 133-135.
38. Shmushkis I. O cherkesskoj svad'be // Religioznye perezhitki u cherkesov-shapsugov. M.: izd. MGU, 1940. S. 23-26.
39. Bell, J. S. Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838, and 1839. In 2 vol. London: Moxon, 1840.
40. Longworth J.A. A year among the Circassians. In 2 vol. London: Colburn, 1840.
41. Taibout de Marigny. Voyage dans le pays des Tcherkess // Voyage dans les stepps d'Astrakhan et du Caucase. Par le compte Jean Potocki, Paris, 1829. V. 1. P. 249-361.

Поступила в редакцию 27.06.2021.

Принята к публикации 01.07.2021.

Для цитирования:

Тхамокова И.Х. Поселения и жилища шапсугов и натухайцев в контексте материальной культуры народов Кавказа (первая половина XIX в.) // Гуманитарный научный вестник. 2021. №7. С. 14-23 URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/07/Tkhamokova.pdf>